

П Е Р Е В О Д Ъ

Г Е О Р Г Т Р А К Л Ь

/перевод с нем. Ю. Нели/

Несколько слов о Георге Тракле

"Потрясает гибель людского рода.
Очи зрящего в этот час
Полнятся золотом его звезд."

"Гелиан" x)

"Всё так несказанно, о Боже, что опускаешься
на колени..."

"В пути" x)

В Зальцбурге на крошечной площади Весов в доме номер два 3-го февраля 1887 года родился Георг Тракль. А в доме напротив, там, где нынче находится знаменитое кафе "Глокеншиль", помещался до 1913 года магазинчик металлоизделий Тобиаса Тракля, отца поэта. Там-то прошло его детство и юность. Многочисленная семья занимала верхние этажи.

Дела отца, человека добропорядочного и жизнерадостного, шли гладко и с материальными трудностями семья столкнулась лишь после его смерти незадолго до войны. Госпожа Мария Тракль, мать Георга, была женщиной склонной к самоизоляции. Она не переносила долгого общения с мужем и детьми, и чаще всего уединялась в своей комнате, куда доступ остальным был закрыт. Лицом и нравом Георг походил на мать.

Как и всякий человек Георг Тракль имел свои тайны. Но делился он ими скромно. В гимназию он ходил неохотно и после семи лет обучения был по неуспеваемости отчислен. Тогда он поступает учеником в аптеку. Семнадцати лет он впервые попробо-

x) Пер. В. Вебера

вал пары эфира. В аптеке он получил легкий доступ к лекарствам, которые его впоследствии и разрушили. На этом он не остановился. Из его писем явствует, что зачастую еще до обеда он выпивал более литра вина. Глупо было бы мерить (коль это пришло бы нам в голову) величие поэта и его поэзии мерой выпитого вина. Но знакомство с некоторыми сторонами его бытовой жизни только подчеркивает удивление: на каких же крутых склонах и топких зыбях прорастают цветы поэзии.

Пусть же, пусть голова, от вина тяжелая, склоняется к сточной канаве. ^{x)}

Но особенно известно о его запретной любви к своей сестре Грете. Образ ее проходит через стихи Георга. "Сестре":

Где ты проходишь, там осень и вечер,
Синий ветер, поющий в ветвях,
Одинокий в сумерках пруд.

Тихая музыка птичьего лёта.
Грусть над изгибом бровей.
Тонкой улыбки пенье.

Бог вылепил твои веки.
Дитя страотной пятницы, звезды грезят
О своде чела твоего. ^{xx)}

Тракль не был человеком каких-либо прямых признаний, устных или письменных. Даже в среде друзей своих и приятелей. Так Людвигу фон Фиккерту, издателю "Бреннера" и близкому своему товарищу, он написал в 1913 году письмо, которое отчасти осталось непонятным получателю и даже сегодня не имеет окончательного ключа: "Кроме того, в последние дни со мною произошли такие ужасные вещи, что от тени их я не смогу больше отделяться за всю свою жизнь... Моя жизнь в несколько дней оказалась невыразимо разбитой, и осталась лишь одна несказанная боль, выразить которую - уже горечь."

Инцест и хмель, с одной стороны, неспособность уйти от лицемерного общества большинства, - с другой, - все это изначально определяло его судьбу, отторгало от других и этим

"В пути", пер. В.Бебера.

xx) Пер. В.Бебера.

мучало. Он был подавлен предрассудками среды, ничего не оставляло ему возможности примирения. Но ненависть к своему времени, к ханжескому состраданию бедным, к бесчестию опереточной культуры и к охоте за деньгами он, за редким исключением, прямо в свои стихи не вкладывал.

О великие города,
Грудами камня
Лежащие на равнине!
Там человек бездомный
С помраченным челом, онемев,
Вслед ветру бредет, вслед голым деревьям на склонах.

О где-то вдали иссякающие потоки!
Огромен страх,
Что вселяет
В тучах дрожащий закат.
О гибнущие народы! ^{x)}

О мыслях Тракля в этот период говорит один эпизод. Как-то на одном сельском храмовом празднике мимо него под звуки духовой музыки пронесли наряженную голову теленка — приз на состязании стрелков. Тракль задрожал всем телом и произнес: "Это Господь наш, Иисус Христос".

Жизнь поэта протекала без внешних событий между Зальцбургом, Веной и Инnsбруком. Ради аптечной карьеры он бросил всё: чтобы учиться в университете и потому, что ему нужны были медикаменты. После завершения учебы в Вене он выдержал необходимые экзамены и стал магистром фармацевтической науки. Затем в качестве вольноопределяющегося прошел одногодичную военно-медицинскую подготовку по той же специальности.

Но попытка включиться в обывательское существование не получилась. Он уже страдал от приступов страха, бежал улиц, не мог пользоваться транспортом. Он предпринял несколько попыток стать чиновником. Но безуспешно. Он выдерживал лишь несколько часов службы. Это было не для него.

---

x) "Запад", пер. В. Вебера

Тень я

Вдали от черной деревни. Молчание Бога
Поджидало меня и в лесном колодце.

На мое чело наступил холодный металл.
Пауки подбираются к сердцу.
Свет угас у меня на губах. ^{х)}

Еще в гимназии он начал писать стихи или, как тогда выражались — "прясть паутину". Маленькая двухактная пьеса девятнадцатилетнего Тракля была принята к постановке городским театром Зальцбурга. Ранние стихи, прежде всего те, что были им написаны до 1910 года, напрасно предлагались различным издательствам. Они пропали. Все произведения Тракля, которые уместил он в 200 страниц ^{четыре}, возникли в последние годы его жизни. Кроме немногочисленных статей в периодике, при жизни поэта вышла лишь одна скромная книжка "Стихотворения" в издательстве Курта Вольффа. Величие этого таланта, имеющего истоком позднего Гёльдерлина (в том смысле, что подлинные поэты передают слово друг другу), было понятно немногим, прежде всего Людвигу фон Фиккеру. Занимавший крайне радикальные в поэзии позиции, Карл Краус (1874—1936) писал о стихах Тракля: "Они — совершенство, которое воплотилось, когда было уже слишком поздно. Они пришли в мир криком стыда, который оставил им только одно, первое и последнее, чувство: "назад в чрево твоё, о, мать, где было так хорошо". Существует телеграфный ответ Краусу: "Благодарю Вас за мгновение наиболезнейшего просветления". Годы 1912—1914, когда Тракль знакомится и с художником-экспрессионистом Оскаром Кокошкой и с Эльзой Ласкер-Шюлер — поэтессой, тоже работавшей в русле экспрессионизма, были временем наибольшей поэтической активности Георга Тракля. В его стихах мир воспринимается как волшебное единство действительности и мистических сил, скрытых в самых простых вещах.

Прекрасен, величественен человек,
Когда во тьме удивленно движется тело его
И в багровых глазницах очи вращаются тихо.

^{х)} "Из глубины", пер. В. Топорова

В черном ноябрьском опустошении Некто блуждает в час
предвечерний,
Затерян среди ветхих ветвей, вдоль стен, пораженных проказой,
Там, где инок пред тем проходил,
Погруженный в мягкие струнные звуки безумья.^{x)}

Лирика Тракля – постоянное стремление вырваться из плена кошмаров, преодолеть страх, возбуждаемый непроницаемостью бытия, неотвратимостью смерти, приходящей всё в новых обличьях, желание укрыться от холода одиночества и неумения быть неодноким, освободиться от сознания вины (но какой вины? в чем?) перед природой, небом, людьми. Словарь стихов его чрезвычайно богат и многообразен, насыщен метафорами, сцеплениями ассоциаций.

Но любящие, осиянны, серебро своих век подымут –
Единый род. Струится волной с заалевших подушек
Ладан, и воскресших сладостно пенье.^{xx)}

Последние месяцы перед войной Тракль несколько раз покидал привычное окружение и путешествовал. Одну поездку совершил в Венецию, другую – в Берлин. В какой-то момент его материальная нужда, казалось, благополучно разрешилась: Людвиг Виттгентейн, впоследствие известный философ, получив приличное наследство, хотел подарить значительную сумму некоторым известным поэтам. Одна часть предназначалась Рильке, другую должен был получить Тракль. Когда же Л.фон Фиккер хотел идти вместе с ним за деньгами в банк, Тракль отказался переступить порог и спасся бегством.

24 августа 1914 года Тракль в чине лейтенанта медицинской службы был вместе со своим санитарным отделением отправлен в Галицию. Во время битвы при Гродеке он командовал перевязочным пунктом, который остался без врачебной помощи и анестизирующих средств. На его глазах многие тяжелораненные, утратившие силу переносить страдания, стрелялись. И он ничем не мог им помочь. Вокруг была груда мертвых тел. Чуть позже Тракль успевает записать "Гродек":

^{x)} "Гелиан", пер. В.Бебера

^{xx)} "Песнь о Европе", пер. 6.Аверинцева

Леса осенние шумят на закате
Сружием смерти, и поля золотые,
И синее море; над ними
Темное катится солнце, ночь встречает
Мертвых бойцов, сумасшедшие жалобы
Их изувеченных губ.
Но тихо копится в зелени луга
Красное облачко, укрывшее гневного Бога, -
О лунный холод пролитой крови...
.....
И если разум еще не угас, то виной - необъятная
боль
И нерожденные внуки.^{x)}

Во время отступления лейтенант Тракль внезапно закричал, он не хотел больше жить так. Он пытался выстрелить себе в голову, но пистолет вырвали у него из рук, а его самого направили в психиатрическую клинику в Краков. Там-то в последний раз и увидел его давний друг Людвиг фон Фиккер. Тракль мог говорить лишь о том, что предстанет перед военным судом.

Он умер несколько дней спустя, 4-го ноября 1914 года, двадцати семи лет от роду, от кокайна, который он тайно принес в больницу. Сестра его Грета умерла тремя годами позже.

Симультанность, напряженность выразительных средств за счет нанизывания однородных образов стали определяющим композиционным приемом экспрессионистических стихов Тракля. При жизни, как мы уже говорили, поэт выпустил один-единственный сборник (1913). Второй сборник стихов "Себастьян во сне" (1915) он успел прочесть лишь в корректуре. Слава Георга Тракля началась вскоре после его смерти. По мере распространения экспрессионизма становилось ясно, что Тракль, наряду с Георгом Гейном стоит у истоков этого движения. Тракль оригинален в каждой своей строке. Многое в поэтике Тракля нельзя объяснить логически, его стихи понимаются как самовыражение страстной, истерзанной и страдающей души в ее стремлении к совершенному идеалу. В них выражена попытка уравновесить страшный мир прекрасной формой стиха. Печаль неизбытная, отчаяние без границ, отвра-

^{x)} Пер. Г.Ратгауза

ние к мелочным страстям, ясное предчувствие вселенского разрушения, — всё это воплощается в творчестве поэта в соотнесенносложные ирреальные видения, в картины мира, увиденные с совершенно неожиданной точки наблюдения и написанные необычно сочными красками. Мысли его выражены нежданным по красоте, полифоническим, загадочным языком. Через все стихотворения Тракля проходит щемящая тоска по возможной красоте, по человеческой жизни, которая, по чувству поэта, могла быть наполнена высоким смыслом, боль и страдание, что искомое скончательное разрешение поэтического абсолюта, с такой страстью разрабатываемое им, опять и опять ускользает, что гармония стиха и жизни несоединимы.

Последние десятилетия популярность творчества Тракля резко возросла. Современное литературоведение причисляет его лучшим лирикам текущего столетия. Одна из высших литературных премий Австрии носит его имя.

На русский язык Георга Тракля переводили в разные годы (с 1923-го): С.Тартаковер, Д.Выгодский, В.Топоров, С.Аверинцев, Г.Ратгауз, И.Калугин, А.Солянов, К.Богатырев, Н.Холодная, В.Вебер, В.Куприянов, И.Руста.

По крыше снег шуршащий каплей сник,
Багровый перст пронзает лоб упорно,
Лазурь по спальне лют льдяные зерна,
В их зеркале влюбленных стихший лик.
Под череп треснутый врывается двойник,
Упавший тенью в ледяные зерна,
И шлюха стылая с ухмылкою тлетворной.^{x)}
И слезы прячет ветер в сон гвоздик.

^{x)} Пер. А.Солянова.

МЕТАМОРФОЗА ГРЕХА

Осень: черная поступь на опушке леса; минуты немого разрушения; насторожен лоб прокаженного под голым деревом. Несконтактаемый вечер, опускающийся ныне над уступами мха; ноябрь. Колокол звенит и пастух в деревню ведет табун черных и красных коней. Под кустом орешника зеленый охотник поджидает дичь. Его руки дымятся кровью и тень зверя вздыхает в листве над глазами человека, смуглого и молчаливого; лес. Вороны, разлетаются; три. Их полет подобен сонате, полон побледневших аккордов и человеческой меланхолии; тихо растворяется золотое облако. У мельницы мальчишки разжигают пламя. Огонь — брат бледности и та смеется, погребенная в его пурпурных волосах; или это место убийства; мимо которого ведет каменистый путь. Барбарисы исчезли, в продолжение года мечталось в свинцовом воздухе под соснами; страх, зеленая тьма, клокотание тонущего: из звездного пруда тянет рыбак огромную, черную рыбу, лик, полный жестокости и безумия. Голоса тростника, спорящих мужчин за спиной раскачивает тот в красном члене над зяблой осенней водою, жив в сумрачных сагах род его и глаза каменеют ночью и девственный страх отворяют. Грех. Что ж заставляет тебя тихо стоять на разрушенной лестнице, в доме твоих праотцов? Свинцовая чернота. Что подносишь к глазам ты серебряною рукою; и веки опадают как опьяенные мраком? Но через стену камня видишь ты звездное небо, Млечный путь, Сатурн; красное. Неистово в камня стену колотит голое дерево. Ты на разрушенных ступенях: дерево, звезда, камень! Ты, синий зверь, тихо дрожащий; ты, бледный жрец, убивающий жертву на черном алтаре. О, твой смех в темноте, печальный и злой, что ребенок бледнеет во сне. Красный огонь выпрыгнул из твоей руки и сжег при этом мотылька ночи. О, флейта света; о, флейта смерти. Что ж заставляло тебя тихо стоять на разрушенной лестнице, в доме твоих праотцов? Ниже в ворота стучит ангел хрустальным пальцем.

О, ад сна; темный проулок, коричневый садик. Тихо звенит в синем вечере образ умерших. Цветики зелени порхают вокруг него и лик свой он покинул. Или склонился он побледнев над холодным лбом убийцы в темноте сеней; подношение, пурпурный огонь сладострастия; умерший сталкивает по черным ступеням спящих во тьму.

Кто-то покинул тебя на крестном пути и ты долго оглядываешься назад. Серебряный шаг в тени искалеченного яблони деревца. Пурпуром светится плод в черных ветвях и в траве сбрасывает кожу змея. О! темнота; пот, выступающий на ледяном лбу и печальные грёзы в вине, в деревенском кабаке под продырявленными до черноты балками. Ты, еще пустыня, что выколдовывает из клубов табачного дыма розовые острова и извлекает из глубины души дикий крик схватки, когда он вокруг черных утесов охотится в море, буре и льдах. Ты, зеленый металл и внутри пылающее лицо, что желает уйти навсегда и петь о холме костей прошлых времен и огненном низвержении ангела. О! отчаяние, с немым криком падающее на колена.

Умерший посещает тебя. Из сердца струится отвергающая себя кровь и в черной брови гнездится невыразимое мгновение; мрачная встреча. Ты — пурпурный месяц, когда тот сияет в зеленой тени оливы. Которым полнится непрекращающая ночь.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Падает снег. После полуночи покидаешь ты пьяный
пурпурным вином глухой округ людей, красный огонь их очага. О, мрак!
Черный мороз. Земля жестка, горечи вкус
у воздуха. Звезды твои закрываются к дурной примете.
Окаменевшими шагами тяжело ступаешь ты в направлении дороги
на дамбе, с округлившимися глазами, как солдат, штурмующий
черный бруствер. Аванти!

Горький снег и луна!

Красный волк, которого душит ангел. Твои ноги позванивают
продвигаясь вперед как синий лед и улыбка полна скорби и
высокомерие окаменило твой лик и лоб побледнел
от сладострастия мороза;
или он нагнулся безмолвный надо сном
какого-то сторожа, что прикорнул в своей деревянной хижине.
Мороз и дым. Белый шлем звезд сжигает
несущие плечи и Божий коршун размясил твое
металлическое сердце.

О каменистый холм. Тишина расплавилась и забыто прохладное

тело в серебряном снегу.

Чёрен сон. Ухо долго следит за тропою
звезды в снегу.

У просыпающихся звенят колокола в деревне. Из
восточных ворот серебрясь выступает розовый день.

С О Н И П О М Р А Ч Е Н И Е

Ввечеру отец превращается в старика; в темных комнатах каменил лик матери и над мальчиком тяготело проклятие вырождающегося рода. Временами в памяти вспыльвало детство, переполненное болезнью, испугом и мраком, молчаливой игрой в звездном саду, или припоминал как кормил он крыс в сумерках двора. Из синего зеркала выступает узкий облик его сестры, и он как мертвый опирается на темноту. По ночам его рот всё так же взламывает красный плод и звезды сияют над его онемевшей скорбью. Сновиденья его полнили старый дом праотцов. Ввечеру он бродил по заброшенному кладбищу, или в сумеречной мертвцкой рассматривал тела мертвых, зеленевших пятнами разложения на своих красивых руках. У монастырских ворот просил он кусочек хлеба; тень вороного выпрыгивала из темноты и пугала его. Когда ж он лежал в прохладной своей постели, его охватывали невыразимые слезы. Но не было никого, кто положил бы руку ему на лоб. Когда приходила осень, он, некий провидец, шел коричневый пойманный луг. О, часы дикой восторженности, вечера на зеленой реке, охотничьи угодья. О, душа, негромко поющая песнь пожелтого тростника; пылающее благочестие. Замер и долго всматривался он в звездные глаза жабы, содрогающиеся ужасом руками осязал прохладу старых камней и наговаривал достославную сагу синего водного тока. О, серебряные рыбы и плоды, падающие с кривоствольных дерев. Аккорды его шагов наполняли его гордостью и презрением к людям. На возвратном пути домой он встречал необитаемый замок. Одряхлевшие боги стояли в саду, оплакивая вечер. Ему, однако, казалось: я жил здесь в забытые годы. Органный хорал наполнял его трепетом Божиим. Но в темной пещере проводил он свои дни, лгал и крал и скрывался; пламенеющий волж, пред лицом его матери. О, часы, когда с

каменеющим ртом спускался он в звездный сад, тенью убийцы проходил по нему. С пурпурным челом шел он в трясину и гнев Божий сек его по железным раменам; о, в ураган березы, мрачные звери, что сторонятся его помраченных троп. Ненавистью горело сердце его, сладострастием, когда в зеленеющем летнем саду он учинял насилие над безмолвным дитем, в котором сияющем узнавал свой помраченный лик. Боль, вечер у окна, когда из багряных цветов, жуткий скелет, выступала смерть. О, башни его и колокола; и тени ночи окаменев падали на него.

Никто не любил его. Его главу сжигала ложь и блуд в сумеречных комнатах. Синее шуршание женских одежд заставляло его цепенеть у колонны и в дверях вставада фигура его матери. К его голове поднималась тень зла. О, ночи её и звёзды. Вечером он шел с калекою на гору; на ледяной вершине лежал розовый глянец вечерней зари и сердце его тихо позванивало в предвечернем прдумраке. Тяжело опускались над ними бурые ели и красный охотник выходил из лесу. Когда же наступала ночь, как хрусталь разбивалось его сердце и мрак хлестал его лоб. Под голым деревом дуба он удавил ледяными рукамидикую кошку. Сетя возникла справа белая фигура ангела, и росла в темноте тень калеки. Он, однако, подхватил камень и бросил его так, что взвыв тот спасся бегством, и постаннывая растаял в тени дерева нежный облик ангела. Долго лежал он на каменистой пашне и пораженный смотрел в золотой шатер небес. От охоты летучих мышей он сломя голову кинулся в темноту. Запыхавшись вошел он в полуразрушенный дом. Он пил во дворе, дикий зверек, синюю воду колодца, пока не продрог. Лихорадочно дрожа сидел он на ледяной лестнице, неистово хуля Бога, хоть бы тот умер. О, пепельный лик страха, когда он поднял глаза на изрезанную глотку слепца. Шныряя по чужим лестницам повстречал он еврейскую девушку и он обхватил ее за черные волосы и похитил её рот. Враждебно сквозь мрачные уложки преследовало его железное какое-то дребезжанье и разрывало ему уши. У осенних каменных оград тихо нагнал он, мальчишка-ризничий, безмолвного священника; средь засохших деревьев он до опьянения вдыхал ярко-красный цвет тех досточтимых лесов. Сладкая мука грызла его плоть. В опустелом крытом проходе ему явилась оцепеневшему от сора

кровоточащая его фигура. Глубже любил он возвышенные произведения камня; башню, которая с адскими гримасами штурмовала по ночам синее звездное небо; прохладную могилу, в которой человек избавляет пылающее свое сердце. Боль, вину несказанную, которые оповещают ту. Но когда он, раскаленный, замыслил осенний рекою сойти вниз под голые деревья, ему в покрове волос явилась, пылающий демон, сестра. У взрослых умерли в их головах звезды.

Ах, проклятого поколения. Когда в запятнанных комнатах завершалась судьба каждого, в дом шагами тлена входила смерть. О, хоть бы на двор пришла весна, и в цветущих деревьях запела бы милая птица. Но жутко увяла на окнах в夜里 живущих скучная зелень и зло замышляют кровоточащие еще сердца. О, сумеречные весенние дороги замышляющего. Праведника радует живая изгородь в цвету, молодое семя селянина и поющая птаха, Божье создание нежное; вечерний колокол и добрый приход людей. Хоть бы он позабыл свою участь и терновника острое жало. Свободно зеленеет ручей, где серебрясь бредут ноги его, и говорящее дерево шелестит ему над помраченною головою. Итак, он хилый поднял рукою змею, и в огненных слезах расплавилось вконец его сердце. Возвыщенно молчание леса, зеленоющая темнота и во мхе живущие зверьки, трепещущие, когда падает ночь. Ах, озnob, когда всякий, зная свою вину, идет тернистым путем. Итак, он нашел в кустах терновника белый образ ребенка, кровоточащего вслед мантии его жениха. Он, однако, как вкопанный стоял перед ним в расчесанных волосах его немо и страдал. Ах, сияющий ангел, рассеивающий пурпурный ветр ночи. Всю ночь жил он в хрустальной пещере, и проказа высеребриваясь росла на его челе. Тенью сошел он окраинной тропкою вниз под осенние звезды. Падал снег, и синий мрак наполнял дом. Слепо звенел жесткий голос отца и заклинал ужас. Боль сломленного вида женщины. Меж окоченевших рук выпадают плоды и утварь жутью объятого рода. Волк разрывает первенца и сестра спасается бегством в сумеречный сад к костлявому старику. Помраченный пророк у полурушенных каменных стен пел той и голос его жадно глотал ветер Божий. Ах, сладострастие смерти. Ах, его дитя мрачного рода. Серебряно мерцают злые цветы крови на виске того, холодная луна в разби-

тых его глазах. О, живущие в ночи; о, проклятые.

Глубоко забытье во тьме отрав, наполненное звездами и белым лицом матери, что каменеет. Горька смерть, пища виновных; в коричневых сучьях ствола оскалив зубы распадаются глиняные лица. Но тот тихо пел в зеленой тени бузины, когда от злых снов просыпался; сладкий друг детства называл его розовый ангел, чтобы он, нежная дичь, впадал в забытья ночь; и он видел звездный лик чистоты. Золотом падают солнечные цветы на ограду сада, когда лето приходит. О, усердие пчел и зеленая листва орешника; мимоходом гроза. Серебром еще цвел мак, в зеленых коробочках нес наши звездные сны夜里。О, как же тих был дом, когда ушел в темноту отец. Багрянцем наливались плоды дерев и садовник потирал жесткие руки; ах, паутинок приметы в сияющем солнце. Но тихо входит по вечерам в скорбный круг его близких тень смерти и хрустально звенят шаги ее по зеленеющему лугу у порога леса. Молчаливо те собирались к столу; восковыми руками умершему преломляли они хлеб, кровоточащий. Страдание каменеющих глаз сестры, когда за трапезой безумие ее выступает на ночном челе брата, под болезненными руками матери превращался хлеб в камень. Ах, истлевший, когда серебряными языками утаивали они ад. Итак, угасли лампы в прохладном покое и из пурпурных масок безмолвно наблюдали страдающие люди. Ночь напролет шуршал дождь и освежил ниву. В тернистой глухомани тьма следила за пожелтыми тропками в зернах, за песней жаворонка и за мягкой тишиною зеленых ветвей, чтобы он нашел успокоение. О, деревни ее и поросшие мхом ступени, раскаленное мгновение. Но костяные колеблются шаги над спящими змеями на опушке леса и ухо следит неотрывно за неистовым криком коршуна. Каменистую пустыню нашел он вечером, проводы смерти в темный дом отца. Багряные облака заволакивают его голову, чтобы он безмолвно набросился на собственную свою кровь и изображенье, лунный лик; каменея погружался в пустоту, когда в разбитом зеркале, умирающему юноше, явилась сестра; ночь жадно проглотила проклятый род.

***

П С А Л О М

2-ая редакция
Карлу Краусу посвящается

Се — свет, он погашен ветром.

Се — опорожненный кувшин, в послеобедье опьяневшим
отброшенный.

Се — виноградник, сожженный и черный с норами
полными пауков.

Се — пространство, выбеленное ее молоком.

Безумец умер. Се — остров южного моря,
Встречающий солнечного бога. Бьют барабаны.

Мужчины выводят воинственные танцы.

Женщины раскачивают бедрами в сплетеньях растений и
пламени цветов.

Когда море поет. О наш утраченный рай.

Нимфы золоченые покидали леса.

Погребают чужих. Потом зарядил дождь мерцаний.

Сын Нана выступил в образе землекопа,
Он середину дня проспал на раскаленном асфальте.
Се — маленькие девочки во дворе в платьицах полных
душераздирающей нищеты!

Се — комнаты, наполненные аккордами и сонатами.

Се — тени, они пред ослепшим зеркалом себя
заключают в объятья.

На окнах богадельни греются выздоравливающие.

Белый пароход тянет вверх по каналу кровавую эпидемию.

Чужая сестра вновь возникает в недобрых кого-то
мечтах.

Покоясь в ореховых зарослях играет она с его звездами.

Студент, возможно двойник, долго смотрит ей вслед
из окна.

Позади него стоит его мертвый брат, или он опускается по старой
винтоаой лестнице.

В сумерках коричневого каштана бледнеет образ юного

послушника.

Сад погружен в вечер. В ходе крестовом порхают
летучие мыши вокруг.

Дети привратника прекращают игру и
золото ищут небес.

Финальные аккорды квартета. Маленький слепец бежит
дрожа по аллее,

И потом тень его касается ощупью холодных каменных стен,
сказками окруженных и святыми легендами.

Се - лодка пустая, гонимая вечером вниз
по каналу.

Во мраке старого приюта разрушаются человечьи
руины.

Мертвые сироты лежат на садовой ограде.

Из седых комнат выступает ангел с крыльями в пятнах деръма.

Черви капают с его пожелтелых век.

Площадь перед церковью мрачна и безмолвна, как во
дни детства.

На серебряных подошвах скользят мимо прошедшие жизни,
И тени проклятых опускаются вниз к стонущей
воде.

В могиле своей белый маг со своими змеями.

Молча над черепной коробкой открываются Бога
золотые глаза.

• • •